

Анна Зенькова

НАРИСОВАННЫЙ

Если сегодня нет солнца на небе – это не значит, что его нет вообще.

Би Дорси Орл

Глава 1

– Сходил бы ты на улицу! – ни с того ни с сего предложила Фёкла. – Чего дома-то киснуть?

– А шашки? – заканючил я. – Ты же обещала.

– Как обещала, так и разобещала, – отрезала она.

Несмотря на тон, голос у неё был тихим и будто бы даже виноватым.

«Предательница! – подумал я, но вслух ничего не сказал. – Небось, к Валюхе собралась, средь бела дня чаёвничать».

Я с мученическим видом стал одеваться, будто меня там ожидала не улица, а казнь египетская:

– Это – позор, а не шорты! Как из Армии Спасения.

– Иди-иди, не умничай, – Фёкла миролюбиво подтолкнула меня в спину. – А я пока суп сварю.

– С фрикадельками? – пробурчал я с плохо скрываемой надеждой.

– И лапшой, – она устало кивнула.

Тут уж я позабыл про все свои обиды. Фрикадельки из супа того стоили.

– Только лук не клади! Всё равно узнаю! – я снял с гвоздя ключ на веревочке, повесил на шею и махнул Фёкле рукой:

– Ну, пока!

– Зелёного ничего не ешь! – понеслось мне в след. – Опять кишки скрутит.

Я торопливо закрыл за собой дверь.

Во дворе было пусто. Оно и понятно – лето. Все наши дворовые разъехались по морям, лесам и бабушкам, а я вроде как остался за главного. Редкое удовольствие – быть главным в пустом дворе. От тоски загнуться можно.

На лавке сидела баба Шура и как механический робот грызла семечки.

«Щёлк-щёлк. Вас приветствует робот Шура. Модель Т-1000. Совершенного типа».

Ну, как-то так она и сидела. Ей, видно, тоже было невесело.

– Здравсьте, баб Шур, – я, не глядя, прошел мимо, но она точно смотрела мне в след! Как боцман на корме при виде пиратского судна. Фёкла говорит, что это у неё просто вид такой – перекошенный. Но я думаю, что робот Шура просто не выносит детей. А таких как я – неуправляемых – особенно. Ну и Жеку ещё. В этом мы с ним похожи.

Баба Шура подтвердила мои догадки презрительным молчанием, но я сделал вид, что не заметил и гордо свернул за угол. Там начинались балконы, а под балконами – фруктовый рай для гурманов. Так называл наш дворовый садик Жека. Мы с ним вроде как ладим. Он живёт в первом подъезде, а я во втором, так что нам сам Бог велел дружить. Но мы его заветы не особо выполняем, даже дерёмся иногда. Не друзья, но и не враги. Так, что-то средне-приятельское.

Фёклу я, конечно, слушать не стал и первым делом забрался на черешню. Аккурат под Валюхиными окнами. Снизу ягоды были еще зелеными, но те, что наверху, уже алели гладкими бочками. Я пополз к краю ветки – там ягоды прямо краснющие. Ветка задрожала, и я вместе с ней, как начинающий эквилибрист. Ух, страшно.

«Кто не рискует, тот Таня» – напомнил я себе любимое Жекино изречение. Кто такая – эта Таня, я не знал, но быть на неё похожей не хотел уже заранее. Опираясь на одну руку, я вытянул другую, дрожащую, и что было силы дернул ягодную горсть вперемешку с листьями.

Только я намерился запихнуть добычу в карман, как вдруг где-то рядом хлопнула форточка. Среди черешневой зелени замелькало красное пятно.

«Валюха!» – мелькнула у меня шальная мысль и сердце заколотилось громко-громко. То ли от испуга, то ли от предвкушения надвигающейся опасности в лице краснокожей Валюхи. Это наша соседка. Она же тетя Валя, она же Валюшенция, она же Валя фон Штирлиц. Прозвища мы придумали на пару с Фёклой. Ну, я, конечно, в большей степени. Просто у меня с фантазией перебор – вот и приходится её как-то расходовать.

Вообще, тетя Валя была белокожей, ну, может, местами розовой. Но вот лицо! Мы всё мечтали с пацанами, как летом соберемся поиграть в индейцев и предложим ей главную роль Чинганчгука. Жаль, что все разъехались.

– Кто это там шебуршит? – завизжало у меня над ухом. Я прижался к ветке и затаился, словно ниндзя, но бдительный Чинганчгук Валюха всё равно меня заприметила. – Севка, ты что ли?

Она вдруг спрятала лицо обратно в форточку.

Швах! Не успел я обрадоваться, как оттуда вдруг высунулась рука со шваброй и принялась яростно молотить по несчастной черешне.

– Ах ты паршивец! – листья летели во все стороны, а она все лупила по ним, словно хотела сорвать побольше для какого-нибудь школьного гербария. Но я то знал – Валюха задумала снять с меня скальп.

Поэтому я сразу плюнул на гордость, прыгнул на землю и задал такого стрекача – будь здоров!

Вслед мне летели листья и неразборчивые проклятия. Видимо, индейские.

Забежав за угол, я отдышался, как следует, и только потом заметил дыру на одной из штанин. У меня неприятно заныло под ложечкой.

«Фёкла с меня шкуру сдерёт!» – подумал я с нарастающей тоской. И ведь не объяснишь ей никак, что на мне лежит древнее проклятье». В прошлый раз было так:

– Хватит выдумывать, – разозлилась она в ответ на моё шокирующее признание. – Опять по кустам шастал?

Поначалу я горячо отстаивал свои права заколдованного:

– Ты не понимаешь. Я обречен портить новые вещи, стоит мне только к ним прикоснуться!

Фёкла поджала губы, я трагически замолчал, но потом завёл снова:

– И старые тоже, когда у меня случаются обострения. Как у тебя с гастритом.

Вместо того, чтобы посочувствовать, она почему-то рассвирепела:

– Я тебе сейчас покажу обострение! – и отвесила мне крепкую затрещину, от которой потом ухо горело так, словно его припекли утюгом.

Униженный такой несправедливостью, я целый вечер прятался за шторой на подоконнике и даже объявил голодовку. Правда, продержался недолго. После трех кусков хлеба с майонезом, который я под покровом ночи стащил из холодильника, у меня так заболел живот, что только одно и оставалось – звать Фёклу на помощь. Так мы в итоге и помирились.

Потом, конечно, она мне это ещё припомнила. Пригрозила даже:

– Ещё раз порвешь, я латать не стану! Ходи весь в дырах, как нищий.

Тоже мне угроза! Подумаешь! Сейчас такое даже модно. В смысле, дыры, а не нищие. Хотя, это ещё не точно.

И всё-таки домой мне идти расхотелось. Я с сомнением посмотрел на дыру и решил оттянуть неизбежное: «Поброжу еще часок, а потом пойду»

Я решил завернуть на речку, прогуляться по кисельному берегу. Вообще никакая это была не речка, а обычное водохранилище, в которую местный завод сливал ядовитые отходы. Вся набережная была усажена табличками «Купаться и ловить рыбу строго запрещено!». Но наши дворовые всё равно купались. А дядя Коля, Валюхин муж, прошлой зимой выловил оттуда гигантскую щуку. Ух и здоровенная была!

– Все мужики в осадок выпали! – рассказывал нам дядя Коля, пока Валюха отпиливала от щуки кусок нам «к праздникам».

А Фёкла возьми да и заяви:

– Сами своего монстра ешьте. Буду я ещё дитё радиацией травить. А дядя Коля ей, мол:

–Ты, Пална, в пузырь не лезь. Дарёному коню, того, это – зубы не считают!

– Не смотрят, – поправила его Валюха. Она была учительницей. – В зубы коню не смотрят.

Но дядя Коля и усом не повел. Потому что жена ему в принципе не указ. Так, друг человека.

– Бери-бери, Пална, – настаивал дядя Коля. – Отличная щука, говорю тебе. Качественная!

Пришлось взять. Фёкла тот кусок потом в семи водах вымачивала, чтобы радиацию вывести. Не доверяла она дяде Коле, как всем мужикам. Ну а из щуки мы котлет нажарили. Я попробовал и выплюнул – не котлеты, а один живой лук. И вот как с ней бороться?

Я уже дошел до речки, когда вдруг вспомнил, что мне это строго запрещено.

«Не гойсай по реке! Сиганешь с обрыва и тю – следов не найдут! – грозила мне Фёкла.

Она бы меня ещё козой рогатой попугала. Ей Богу, будто я маленький.

Я свернул к обрыву. Вообще, мы с пацанами говорим не обрыв, а утес – потому что так звучит солиднее. Пиратский утес – ну круто же. Мы все мечтаем, как однажды это станет нашим тайным местом, где можно будет собираться, палить береговые костры и прятать клады. Пока что утес – это тайное место старшеклассников – они там всё время отвисают. А мы за ними следим из засады и по ходу разрабатываем стратегию захвата вражеских земель.

На утесе было пусто. Оно и понятно – кому здесь быть, кроме меня. Лето же! Я уселся на колючую траву, выпеченную солнцем, и от нечего делать стал бросать вниз камешки. А они такие «хлэк-хлэк», ну точно как жабы. Я жаб просто на дух не выношу – они противные. А вот маленькие лягушки мне

нравятся. Мы как-то с Жекой словили парочку, посадили в банку и ко мне притащили. Жека сказал:

– Сейчас мы с тобой лягушачью ферму забабахаем! – и побежал домой за клеткой. В ней раньше его попугай жил, а потом улетел в форточку – на вольные хлеба. Вот Жека и придумал клетку под лягушачий вольер приспособить. Мы им ещё горку из пластиковой бутылки спроектировали – закачаешься! Настоящий лягушечий парк развлечений получился. Жека снова сказал:

– Лягушачья икра сейчас знаешь, как ценится! Ее можно ресторанам продавать за большие деньги.

Я в такую чушь, конечно, не поверил.

– Смешно! – говорю. – Я бы эту гадость и бесплатно есть не стал. Не то что в ресторане!

Но Жека уже загорелся ни на шутку. Его прямо разрывало от идей.

– Мы её в коробочках специальных поставлять будем, как деликатес. А сбоку ещё такую надпись сделаем. Ну, знаешь – «мэйд ин франсе»?

– Чего? – у меня, наверное, брови на затылок съехали.

–Чего-чего, – буркнул Жека. – Сделано во Франции, говорю.

И тут я в Жеку поверил. Всё-таки, он человек толковый – в школе английский изучает. А я только немецкий и то из-под палки. В общем, заразился я Жекиным энтузиазмом ого-го как! И стал ему идеи подкидывать – как поильники правильно установить, чтобы лягушки от жажды не высохли и качество икры не пострадало.

– Как разбогатею, я себе гироскутер куплю, – размечтался Жека. – Стальной такой, с обводами и рубчиками на руле. И чтобы с ионным аккумулятором обязательно, ну ты понимаешь.

–Ага, – сказал я, – круто. Особенно мне про аккумулятор понравилось. Что тут может быть непонятного, если у меня даже велика своего нет!? А вообще, я к этому вопросу относился философски. Ну нет и нет. Но на всякий случай тоже размечтался:

– А я тогда велосипед с багажником куплю. И кроссовки на воздушной подушке. Зеленые! Потом подумал: «Гулять так гулять!» – и добавил к кроссовкам шапку для Фёклы, которую мы в гипермаркете видели. Там одна пушистая была, а другая с каким-то жутким хвостом. Вот об этой она вообще всю жизнь мечтала!

Мы доделали поильники и стали думать, как нам эту икру на поток поставить, чтобы побольше денег заработать. Но тут, как назло, Фёкла с работы вернулась и всё испортила.

– Чтобы я в своем доме больше этих амфибий не видела! – сказала она, как отрезала. Весь бизнес нам поломала.

Вообще, если так разобраться, Фёкла мало что мне разрешала. Я вдруг разозлился ни на шутку, перебирая в уме все эти её «нельзя». То нельзя, это нельзя. Словно я какой-то Буратино безропотный.

«Твоим шальным генам нужна строгая рука, – убеждала меня Фёкла. – А лучше ремень».

Ремень висел в шкафу на самом видном месте. Там ещё только надписи не хватало: «С горячим приветом от Фёклы». Это чтобы мы с моими генами не расслаблялись.

Маленьким я всё никак не мог понять, кто они такие – эти гены и почему я виноват в том, что они шальные, а не послушные, как чужие дети. Однажды мне даже приснился сон, где озверевшие крокодилы прибежали из зоопарка прямо к нам в квартиру и съели все наши галоши. Я так испугался, что проснувшись, тут же рассказал обо всем Фёкле. А она стала смеяться, как чокнутая и объяснила, что гены – это что-то вроде характера, который передаётся по наследству. Потом, уже постарше, я посмотрел передачу про строение человеческого организма, и всё окончательно прояснилось. Я понял, что хоть мои родители меня и бросили, какие-то части их тел остались во мне навсегда. Ну там, руки, глаза, пальцы. Я иногда смотрел на себя в зеркало и думал: «Раз у меня уши лопухие, то, наверное, папины. А если волосы – белые и кудрявые как у девчонки, значит – мамины. Потом я вообще перестал об этом думать, и про уши, и про волосы, и про родителей. Просто забыл о них раз и навсегда, как отрезал. Словно их никогда и не было вместе с шальными генами под кроватью и ремнем в шкафу. Фёкла им, кстати говоря, так ни разу и не воспользовалась.

Я вдруг почувствовал, как меня не на шутку затопила нежность. Всё-таки она у меня хорошая. А её фирменные пироги так вообще – с ума сойти можно! Не то что у Валюхи. Эта как напечет – зуб не вбить. Не пирог, а лямец. А Фёклины всегда знатные. У неё вообще руки золотые. С виду такие шершавые, все в мозолях, а на ощупь – мягкие.

Я резко вскочил и ка-а-к припустил к дому – так мне вдруг захотелось обняться с её руками. Еле прибежал, запыхался.

Возле подъезда стоял дядя Коля и курил. Валюха его съестть готова была за эти сигареты – до того они были вонючие. А мне наоборот нравилось, как они пахнут.

Я остановился возле дяди Коли, чтобы немного подышать сигаретным дымом, и деловито спросил:

– Дядь Коль, не подскажите, который час?

Ну, чтобы он понял, что мы на равных. Я заметил, если взрослых спрашиваешь «а сколько время?», они смотрят на тебя пренебрежительно, как на ребенка. И отвечают нехотя. Но стоит спросить «не подскажите, который час?» и тебе говорят, там «без пятнадцати девять». Вот как дядя Коля сейчас.

Меня вдруг словно током шархнуло. У нас же с Фёклой пожизненный договор: «Не позже восьми!»

Я бросился к лифту, потом передумал и метнулся к лестнице – так быстрее. Но дядя Коля крикнул мне вслед:

– Попридержи-ка двери, Севка. Вместе поедем.

Пришлось возвращаться и вызывать лифт.

Я забежал в кабину и подставил ногу, чтобы двери не закрылись, но дядя Коля, как назло, не спешил, смачно втягивал дым, чем бесил меня ещё больше. У меня же на счету каждая секунда, а он тут, понимаешь, жизнью наслаждается.

– Всё, теперь можно ехать! – дядя Коля, наконец, бросил бычок в урну. Подъезд у нас культурный, никто не мусорит. Он зашел в лифт, и мы поехали.

– Ну, как жизнь молодая? – спросил дядя Коля где-то между вторым и третьим этажом. Я выдал что-то нечленораздельное:

– Ааа-эээр-маль-но.

Это потому что я был сам не свой от всей этой ситуации.

– А чего такой кислый? – не отставал сосед. – Натворил что?